

Михаил Медриш: *«Главный и первый лейтмотив всемирного интернет-саммита в Учжэне: Китай — лидер в развитии интернета и инноваций с ним связанных. Страна очень серьезно занята использованием интернета и связанных с ним инноваций для развития экономики и решения социальных вопросов, но, на мой взгляд, есть риск надувания очередного большого пузыря».*

16-18 декабря 2015 г. в китайском городе Учжэне (Wuzhen) состоялась Вторая Всемирная интернет-конференция ([World Internet Conference](#)). Вторым годом подряд эта площадка собирает ключевых игроков в ИКТ-области. В ней приняли участие главы государств, правительств и госведомств, крупнейших мировых компаний, международных организаций и научно-исследовательских институтов со всего мира для обсуждения вопросов инфраструктуры интернета, развития цифровой экономики, проблем глобального управления интернетом и обеспечения кибербезопасности. В прошлом году конференция многим запомнилась скандалом вокруг текста финальной [декларации](#). Тем выше был интерес к темам и уровню дискуссии в декабре 2015 г., тем более, что с программной речью выступил сам китайский лидер. Россию на саммите представлял Дмитрий Медведев, который в очередной раз обозначил приверженность государства курсу «на усиление роли мирового сообщества в управлении интернетом» и разработку глобальной политики в этой области «под эгидой ведущих международных институтов, включая ООН, в том числе опираясь и на профильную отраслевую организацию — Международный союз электросвязи». О китайской и глобальной повестке дня в области управления интернетом и его использования, какой ее увидели гости Учжэня, мы поговорили с **Михаилом Медришем**, директором Фонда содействия развитию интернета «Фонд поддержки интернет», который был приглашен на конференцию.

Александра Куликова: Какие у вас впечатления от самой конференции?

Михаил Медриш: Мероприятие было проведено на очень высоком уровне представительства: больше 2000 человек из 120 стран. Были представлены самые экзотические страны. Я видел рядом с собой людей из десятков стран.

На церемонии открытия выступали председатель КНР Си Цзиньпин, а также российский премьер-министр Медведев, президент Пакистана М. Хусейн, премьеры Казахстана, Киргизии и Таджикистана К. Масимов, Т. Сариев и К. Расулзада, первый заместитель премьера Узбекистана Р. Азимов, (почти все страны региона ШОС были представлены на уровне первых лиц государства), а также заместитель генерального секретаря ООН, Генсек МСЭ, основатель и директор ВЭФ (Давосский форум). Очень показательный состав участников.

Си Цзиньпин выступил на открытии с глобальной [речью](#), в которой, с одной стороны, отметил основные акценты развития интернета в Китае, с другой стороны, высказал представление Китая о развитии глобального интернета и сформулировал ряд принципов, а также обозначил пять задач глобального развития.

*Председатель КНР Си Цзиньпин на Второй Всемирной интернет-конференции в Учжэне
(фото: Михаил Медриш)*

Я первый раз в сжатом виде услышал о важнейших внутренних китайских проектах развития Интернета. В Китае существует несколько стратегических документов: Cyberdevelopment Strategy, Big Data Strategy, Broad Band Strategy. В соответствии с последней к 2020 году широкополосный интернет должен появиться в каждой деревне. Кроме того, в июле 2015 года принят Internet Plus action plan, целью которого является интеграция интернета с традиционными отраслями промышленности.

Что касается глобальных задач развития интернета, то первой задачей было обозначено ускоренное развитие инфраструктуры интернета и её взаимосвязанности. Второй была упомянута задача строительства онлайн-платформы для культурного обмена между людьми на Земле. Третьей задачей обозначено инновационное развитие кибер-экономики «для всеобщего

процветания». Рассказывая об этой задаче, Си Цзиньпин сделал несколько принципиальных комментариев: он, в частности, заявил, что Китай приветствует иностранные инвестиции в инновации и что защита этих инвестиций гарантируется. Он отметил, что для развития киберпространства нужно обеспечить безопасность в нём, сравнив развитие и безопасность с двумя колёсами на велосипеде (очень по-китайски!), и что безопасность должна поддерживать развитие, а развитие ведёт к безопасности. Президент также подчеркнул, что кибербезопасность является общей задачей мирового сообщества, что надо прекратить гонку вооружений в киберпространстве и что назрела необходимость в заключении *международного соглашения* о борьбе с терроризмом в киберпространстве. Последней глобальной задачей была упомянута задача выстраивания *internet governance* — глобального управления интернетом — на основе равенства и закона.

И здесь прозвучали важные комментарии. Во-первых, президент Китая отметил, что развитие интернета в мире должно базироваться на *многосторонности* (multilateral, но не multistakeholder — это важный акцент в текущем контексте обсуждения вопросов *internet governance*), демократичности и глобальности при уважении кибер-суверенитета и права каждой страны выбирать свой путь развития и регулирования киберпространства. Во-вторых, прозвучало уточнение понятия демократичности как участия разных сторон (multiparty — опять же не multistakeholder), среди которых: правительства, международные организации, интернет-компании, технологические компании, неправительственные организации, индивидуальные пользователи. При этом в глобальном управлении интернетом должны участвовать все государства, ни одно из государств не имеет преимущества. Потом прозвучало, что в настоящее время возрастает роль этических стандартов и норм поведения в сети. В связи с этим было сказано о *киберэкологии* (*cyberecology*). Я первый раз столкнулся с этим термином в такой связи. Пожалуй, нововведение в глобальной терминологии.

Закрывалось мероприятие выступлением Лю Вей, (Lu Wei — начальник Государственной канцелярии по информации в Интернете /ГКИИ/ — ред.). Он на публике появлялся мало, а выступление его на закрытии, судя по розданным в начале конференции материалам, не планировалось. Лю Вей сказал примерно следующее: «Председатель Си сказал то-то и поставил такие-то задачи, премьер Медведев поддержал его по следующим соображениям, президент Пакистана поддержал его в следующих вопросах, премьер Казахстана высказался в поддержку по таким-то вопросам, руководитель Международного союза электросвязи (МСЭ), руководитель IEEE, лично Роберт Кан (один из изобретателей TCP/IP протокола — ред.) и прочие по таким-то вопросам». В общем, минут 20 подтверждений того, какой проницательной и всеобъемлющей была речь китайского лидера.

А. К.: Так и было?

М. М.: Что выступление Си Цзиньпина было достаточно ярким, подтверждающим инновационные устремления Китая, настаивающим на лидерстве Китая в области интернета и инноваций в регионе, достаточно твёрдо

фиксирующим взгляды Китая на безопасность и суверенитет в интернете, так это факт. Но, на мой взгляд, это мероприятие было прежде всего предназначено для внутреннего китайского потребления. Это был *театр* Лю Вей, в котором он представил президенту страны свои достижения и продемонстрировал, что Китай — лидер развития в мире (по крайней мере, для внутреннего потребления это так).

А. К.: Какие были самые ощутимые лейтмотивы мероприятия?

М. М.: Главный и первый лейтмотив: Китай — лидер в развитии интернета и инноваций с ним связанных. Это отчетливо было видно от выступления Си Цзиньпина в начале до выступления Лю Вей в конце. Второе — это уровень обсуждавшихся вопросов. Например, на форуме «Экономика интернета» ИРИ обсуждались вполне прагматичные вещи, но на уровне далеком от того, что было в Китае. В Китае говорили о глобальных вопросах, например, о стандартизации, и в этом участвовали, с одной стороны, так называемые *отцы-основатели* интернета, также люди, которые сейчас находятся на первых ролях в глобальном регулировании, стандартизации интернета (например, Генсек МСЭ, Президент ИЕЕЕ). С другой стороны, выступали главы локальных представительств крупных компаний, таких как *Nokia, IBM, Hewlett-Packard, Microsoft* и др., большинство из которых китайцы и, когда они выступают, с одной стороны представляют *IBM*, а с другой они представляют Китай. Ну и непосредственно представители крупного китайского бизнеса: руководители *Alibaba, Baidu, ZTE, Xiaomi*.

Глава *Corporation for National Research Initiatives*, изобретатель протокола TCP/IP Роберт Кан на Второй Всемирной интернет-конференции в Учжэне (фото: Михаил Медриш)

С чем выступал, например, президент *Geely Motors*? С тем, что *Volvo* у них — центр инноваций, и через два года они планируют появление беспилотного автомобиля на базе *Volvo*. А к этому должна быть инфраструктура, потому что развитие интернета вещей неоднородно. Для каких-то устройств совершенно не нужно скоростного соединения, а нужна избирательность, точность приема,

шифрование. А для автоматического автомобиля нужны очень высокие скорости для того, чтобы если что случится, связаться с центром мониторинга и мгновенно получить ответ. Если к 2017 году в Китае будет повсеместное покрытие LTE, то «умные» автомобили смогут работать беспрепятственно. Предпосылки для этого есть: в Китае отличные дороги. Везде ли — не знаю, но по дороге из Шанхая мы ехали в Учжэнь со скоростью, ограниченной только ограничением скорости. Это четырехполосная в обе стороны дорога, проходящая все населенные пункты вторым этажом. Она спускается на землю там, где ничего нет, а как только населенный пункт — поднимается. Там не только пересечений нет, там даже съездов с этой дороги очень мало.

Председатель совета директоров компании Alibaba Group Джек Ма на Второй Всемирной интернет-конференции в Учжэне (фото: Михаил Медриш)

А. К.: Как обсуждались вопросы безопасности, контроля над контентом в национальном сегменте?

М. М.: В разрезе контроля над контентом было просто заявлено, что каждая страна имеет свою территорию и суверенитет на своей территории. Более того, Джек Ма, основатель и председатель совета директоров компании *Alibaba Group*, который выступил на закрытии, говорил о том, что интернет вырос уже достаточно, чтобы его регулировать, потому что отсутствие регулирования начинает приносить больше проблем, чем возможностей развития. Он ничего другого сказать не мог после выступления Си Цзиньпина. Но мне показалось, что он был достаточно искренен в том, что регулирование контента, который может оказывать деструктивное воздействие на бизнес или на общество, неизбежно. Это вполне очевидно. Другое дело, что никто не обсуждал, что такое суверенитет в эпоху интернета, и чем он отличается от традиционного понятия суверенитета. До этого не дошли, а жаль.

Также Лю Вей образовал Консультативный комитет (High-level Advisory Committee) из 31 члена, куда входят три человека из России. Это Евгений Касперский, глава Лаборатории Касперского, Денис Давыдов, исполнительный

директор Лиги безопасного интернета, и Леонид Тодоров, генеральный менеджер APTLD. Туда также входит и Джек Ма, и Фади Шехаде (президент ICANN — ред.) — они сопредседатели этой комиссии. Я видел комментарии о том, что, мол, организовали комитет, в котором нет ни одного человека из интернета. Это не совсем так, скорее, совсем не так. Если речь идёт об эффективном использовании интернета, то, конечно же, там должны быть представителем из тех сфер, которые интернет используют.

Начальник Государственной канцелярии по информации в Интернете Лю Вей на Второй Всемирной интернет-конференции в Учжэне (фото: Михаил Медриш)

А. К.: А в чем суть и миссия этого комитета?

М. М.: Это, на мой взгляд, все тот же элемент *театра* Лю Вей. Он собрал компетентных людей и попросил их помочь ему с принятием правильных решений. Как мне рассказали коллеги, посыл был примерно следующий: «Мне неважно, кто и как это будет комментировать, мне важны ваши идеи, каковы бы они ни были». Подход прагматичный и правильный.

Фади (Шехаде — ред.) выступил на последней сессии, а потом на закрытии с очень правильной по смыслу, но очень романтической по форме речью.

А. К.: Фади уже пожурили в СМИ, что он не достиг больших успехов с Net Mundial Initiative и взялся за другую, [Wuzhen Initiative](#).

М. М.: Если говорить о роли Фади, мне кажется, она позитивна, потому что для изменений нужны романтики. Прагматик изменения будет делать скучно, в рутинном режиме — это может не дать результата. Тем не менее, на конференции в Учжэне он показал очень правильный, системный слайд, на котором изображены три уровня интернета: нижний инфраструктурный транспортный слой, который никак не относится с контентом; средний логический слой, как он его назвал, где находится ICANN, Regional Internet Registries; третий слой — собственно, использование интернета. В последнем слое он показал более 50 разных вариантов использования в разрезе

государства, бизнеса, общества, пользователей, безопасности и так далее. Все это правильно, и средним слоем надо аккуратно заниматься. Но основные задачи internet governance находятся в верхнем слое. Именно там живёт бизнес, создается контент, развивается телемедицина и образование, совершаются преступления.

А. К.: Какая добавочная стоимость у этого мероприятия по сравнению с прочими?

М. М.: Добавочная стоимость — это увидеть общее положение вещей, пообщаться. Там были представлены абсолютно разные игроки, сама конференция была вполне «мультистейкхолдерная», то есть представляла самые разные заинтересованные стороны. В последний вечер я сидел за одним столом с двумя американцами, один из MIT, другой из Brown University, немцем из исследовательского центра, француженкой из посольства Франции в Китае и замначальника полиции Торонто.

А. К.: Но там действительно звучало что-то, что особо не услышишь на других площадках?

М. М.: Просто такого уровня, с такой концентрацией на тему развития интернета, ориентированного на практические вопросы — производство, культура, образование, услуги я не встречал нигде, даже на Internet Governance Forum (IGF).

А. К.: Вы с какой целью ехали?

М. М.: Во-первых, меня пригласили, и я не мог не воспользоваться возможностью посмотреть, что это за мероприятие, потому что Китай — это всегда нечто, отличающееся от Европы и Штатов, где получается бывать чаще. Во-вторых, очевидно, что там был большой сбор квалифицированных людей, и уровень мероприятия обещал быть очень высоким. В-третьих, это была возможность пообщаться с интересными мне людьми по моим собственным проектам.

А. К.: И какие Вы для себя выводы сделали?

М. М.: Китай очень серьезно занят использованием интернета и связанных с ним инноваций для развития экономики и решения социальных вопросов (умные города, например). На мой взгляд, есть риск надувания *очередного большого пузыря*. И это вопрос не только Китая. Когда каждый второй с трибуны говорит о том, что намечается рост на 20%, 30%, 60%, что ожидается полная автоматизация таких-то и таких-то процессов с увольнением половины работников, возникает вопрос: кто и на какие средства приобретёт этот дополнительно произведенный объем товаров и услуг? Где потребитель возьмёт дополнительные деньги на приобретение нового, например, замечательного беспилотного автомобиля? А если вдруг эти товары и услуги не смогут быть проданы, то окупятся ли вложения в модернизацию производства? А ведь нужно вложить значительные ресурсы, чтобы что-то серьезно изменить. Поэтому тенденции понятны, но у меня такое ощущение, что все это пока никак не раскрывает картину будущего: все насаждают на то, что внедрение интернета,

автоматизации, информатизации в бизнес повысит эффективность бизнеса, а как с плодами этой эффективности потом разбираться, пока не обсуждают. А надо. Вот, например, если взять те самые упомянутые выше беспилотные автомобили, то, как мне представляется, с их появлением значительно изменится модель потребления автомобилей. Появится возможность вызвать беспилотный автомобиль, когда требуется, чтобы доехать до места, а потом освободить. Кто-то другой его потом вызовет и т. д. В результате повысится коэффициент использования автомобилей, что приведёт к тому, что потребное количество автомобилей уменьшится. Автомобильный сервис изменится. Всё это нужно исследовать, считать.

А. К.: Как выглядела Россия и звучала-ли как-то тема двустороннего российско-китайского договора (от мая 2015 года — ред.)?

М. М.: Мне показалось, что Россия выглядела, как Казахстан с Киргизией, т.е. в определённом смысле сателлитом Китая. Россия в области интернета мало кому интересна. Двусторонний договор, носящий все-таки пока рамочный характер, упомянут не был. Точнее так, я не слышал ничего об этом.

А. К.: Правильно ли я понимаю, что эти вопросы если и обсуждались, то в закрытом режиме. В финальном документе про кибербезопасность в международном разрезе были общие слова.

М. М.: Не знаю, что было в закрытом режиме. Финальный же документ не был публично озвучен. Это скорее завершающая декларация устроителей конференции. Я видел этот текст, он вполне разумный, но слишком общий: в нем говорится, что интернет глобален, «единый мир — единый интернет».

Но в чём, как мне представляется, самая большая проблема в этой связи и, в частности, в internet governance? Каждый из участников по-своему понимает это единство. Например, и Си Цзиньпин и выступивший на закрытии заместитель Премьера государства Тонга говорили о необходимости противостояния преступности, порнографии и азартным играм в Интернете. В Китае и, похоже, в Тонга любая порнография и азартные игры запрещены. А во многих странах мира взрослая порнография вполне легальна (детская, наверное, везде уголовное преступление), азартные игры разрешены. И как с этим быть, как культурное, ментальное, законодательное разнообразие каким-то образом свести к общему знаменателю, чтобы учесть интересы всех и при этом не навязывать чью-то волю другим? Это сегодня самая большая проблема, о которой, в частности, Фади говорил в своей зажигательной речи на закрытии конференции. Он говорил о том, что, может быть, правительства стран, посмотрев на то, как решаются вопросы, в частности, в ICANN, с учётом мнений всех заинтересованных сторон, изменят свой подход к управлению государствами, изменят подходы, начнут больше слушать друг друга, будут меньше воевать, займутся конструктивными делами. Ну и последнее — как любая большая конференция, эта конференция дала возможность пообщаться с разными людьми, послушать, о чем они думают. А они думают по-разному, в разных странах — разные болевые места, разные проблемы — у кого щи жидкие, а у кого жемчуг мелкий.

А. К.: Если я правильно понимаю глобальные компании готовы с китайскими правилами мириться ради большой выгоды.

М. М.: В целом, конечно. Но слово «мириться» некорректное: у меня такое понимание, что очень много зависит от формы. Когда Си Цзиньпин говорит о том, что одна из задач — это *multilateral multiparty internet governance*, основанное на таких-то принципах — это одна из возможных форм изложения цели. Неконкретно, но подлежит уточнению в процессе переговоров. Стоит об этом же самом начать говорить в другой форме, например, просто в более конкретной, как может возникнуть непонимание. Например, если сказать, что ГУИ должен осуществляться под «зонтиком» МСЭ, то это немедленно входит в противоречие со взглядами других людей и становится неприемлемым для восприятия. Например, выступал Президент IEEE Говард Майкл (Howard Michel — ред.) и сказал сконцентрировано, буквально в одном абзаце, как все это сложно: интернет только в технической своей составляющей (первые два слоя — инфраструктура и логический слой) это нечто, что описывают более 7000 стандартов. Семь тысяч! Стандартизацией занимаются IEEE, IETF, ISO, МСЭ, GSMA, 3GPP, 3WC, ETSI и др. Как эти тысячи стандартов под один зонтик поместить? Получается, одну и ту же идею можно проводить по-другому. На одном пути можно достичь успеха, постепенно согласовывая и двигаясь вперёд, а на другом пути успех маловероятен, потому что, заранее становясь в позицию, которая может быть неприемлема для партнеров по переговорам, ты обрекаешь на неуспех все переговоры.